

Мария Шубаева

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

(на материале русских и польских фразеологизмов, характеризующих человека)

Этнопсихоллингвистическую проблематику начали рассматривать еще в античности Плиний, Ксенофонт, Цезарь, Геродот, которые пытались показать особенности психологии народа и выявить факторы, формирующие её. Их наработки легли в основу изысканий философов XVII-XIX вв., которые довольно плодотворно развивали националистическую концепцию, акцентирующую внимание на связи языка, мышления и духа народа.

Язык, как справедливо заметил А. А. Потебня, – это не только лучший, но и единственный признак, по которому мы узнаем народ, и вместе с тем единственное условие существования народа. Язык аккумулирует в себе этническую и культурную память, сознательное и коллективное бессознательное этноса. Язык – это промежуточный мир, по В. Фон Гумбольдту, между неупорядоченным миром вещей и речевым сообществом.

Языковая репрезентация этноса и культуры народа может наблюдаться в различных подсистемах языка, но наибольший интерес вызывает, как нам кажется, фразеосистема, в которой дух народа проявляется местами ярко, т.к. для большинства фразеологизмов характерен модусный тип мотивации, который предполагает особую оценочность, эмотивность и экспрессивность, что позволяет предельно точно определить специфику этноса.

Обращение к фразеосистеме мотивируется также тем, что ведущим ее принципом является антропоцентричность. Фразеология полнее всего описывает фрагменты объективной действительности, которые связаны с характеристикой психологических черт человека, мыслительных процессов, индивидуальных черт личности. Фразеологизмы, по Ф. И. Буслаеву, – своеобразные «микроміры»; они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [2, 7]. Развивая эту мысль, В. Н. Телия утверждает, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [8, 45], именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации.

Понять все тонкости лингвоментальности и глубину проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации можно при сопоставлении иностранного языка с родным. В свою очередь, рассмотрение репрезентации черт характера человека в картине мира было бы не полным без анализа фразеологических единиц, которые создают общий фрагмент данной картины.

В современном языкознании существует понятие «фразеологическая картина мира» как часть языковой картины мира, описанной с помощью фразеологизмов. Фразеологическая картина мира является наивной картиной мира, т.к. в ней отражены обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива» [7, 304]. Можно сказать, что «фразеологизмы любого языка являются лингвосемиотическим феноменом, формируя особый «подъязык», один из концентрических кругов языка, в котором в устоявшейся форме сохраняются представления этноса о мире, культурная и историко-мифологическая интериоризация действительности и внутреннего рефлексивного опыта народа» [9, 11].

Поскольку язык, как справедливо заметил В. фон Гумбольдт, универсален по своей сути, но имеет этническую природу по способам выражения, то при сопоставлении двух фразеосистем мы не обнаруживаем большого количества эквивалентных фразеологических единиц, т.к. процесс образного переосмысления действительности является национально специфическим. Обычно эквивалентных единиц около 20%: *пустая голова* — *pusta głowa*, *воды не замутит* — *wody nie zamutni*; *как мокрая курица* — *jak zmokła kura*; *мухи не обидит* — *muchy nie skrywdzi*; *не все дома* — *nie wszyscy w domu*; *волк в овечьей шкуре* — *wilk w owczej skórze*; *ветер в голове* — *ta wiatr w głowie*; *заблудшая овца* — *zbląkana owca*. Совпадение образности объясняется в первую очередь действием универсальных экстралингвистических стимулов [6, 28].

Таким образом, фразеологические эквиваленты, характеризующие человека в русском и польском языках, отмечены общностью семантики, единством внутреннего образа и функциональной идентичностью. Но даже при таком максимальном соответствии ФЕ могут иметь лексико-грамматическое варьирование или дифференцированную сему, стоящую на периферии семантики фразеологизма, что позволяет выделить близкие ФЕ: *с открытой душой* — *z otwartym sercem*. Синонимичным ему является фразеологизм *душа нараспашку*, которому в польском языке соответствует высказывание *ta serce jak na dłoni* (досл. *имеет сердце как на ладони*). Слово-компоненту *душа* русского устойчивого выражения в польском варианте соответствует компонент *serce*. Эту особенность можно трактовать, опираясь на уникальность мировоззрения и миропонимания народа. Скорее всего, в польской культуре закрепилось понимание того, что сердце является центром не только сознания, но и бессознательного, центром сосредоточения всех эмоций и чувств, центром мышления и воли, абсолютным центром всего человеческого. Иное представление имеет русский народ, который связывает все поступки, мысли и чувства человека с особой силой, обитающей в теле человека, — душой. Душа является носителем некоего этического и морального идеала. С религиозной точки зрения душа связывает человека с высшим духовным началом, тем самым повышается ценность души. Русской лингвоментальности характерен высокий уровень духовности.

Различий в формальном выражении может быть значительно больше: *каша в голове* — *ta bigos < chaos, mętnik > w głowie*. В польском варианте добавлен компонент *mieć* (досл. *иметь*). В сравниваемом языке вместо компонента *каша* употребляется слово *bigos*. Возможно, замена связана именно с тем, что бигос является традиционным блюдом польской кухни. Его поляки издавна употребляют в пищу практически ежедневно, что подтверждает мысль о том, что фразеологизмы отражают наивную картину мира. Но в польском варианте фразеологизма, кроме «кулинарных образов», используется и четкая характеристика мышления человека: *chaos* (хаос) и *mętnik* (неразбериха), что говорит о более рациональном подходе к описанию. При этом значение фразеологизма остается неизменным.

Рассмотрим еще один пример, характеризующий человека: *голова соломой набита* (прост., пренебр.) — *ta siano w głowie*. Русский вариант экспрессивно окрашен и несет негативную эмоциональную коннотацию, выражение личностного отношения, о чем свидетельствуют пометы в словарной статье и наличие слова-компонента *набита*. Польский вариант не имеет ярковыраженной негативной оценочности, он нейтрален. Также в польском фразеологизме появляется дополнительный компонент — глагол *mieć*.

Опытный, бывалый человек обозначается как *стреляный [старый] воробей* — *stary wróbel*. Наблюдается отсутствие вариативности одного из компонентов (в польском варианте фразеологизма прилагательное *стреляный* не имеет соответствия), но фразеологическое значение полностью соответствует русскому варианту. Следует заметить также, что в русском языке вторая часть пословицы сохранилась в качестве самостоятельного фразеологизма: *на мякине не проведешь*, чего не наблюдается в польском языке. Приведенные примеры позволяют отметить большую степень экспрессивности и эмоциональности русских фразеологизмов.

Наибольший интерес представляют безэквивалентные фразеологизмы. Данная группа фразеологизмов дает следующие характеристики человеку: «испытавший невзгоды, неудачи и поражения, приобретший богатый житейский опыт» — *травленный волк*; «хитрый человек, ловкач» — *Лиса Патрикеевна, гусь лапчатый, продувная шельма*. Фразеологизм *Лиса*

Патрикеевна взят из фольклора, где лиса — символ хитрости и ловкого ума. «Дополнительный» компонент — *Патрикеевна* — уточняет, делает более экспрессивным значение основного компонента. Определение восходит к имени литовского князя *Патрикея*, который коварно и хитро посеял вражду между новгородцами. Выражение известно с XIV-XV вв. В польском языке есть два фразеологизма, репрезентующих данную черту характера человека: *lisek-chytrusek* и *chytry lis*. Вариант *lisek-chytrusek* имеет уменьшительно-ласкательную коннотацию, что выражается добавлением суффикса *-ек*.

Фразеологизм *гол как сокол* обозначает «бедный, ничего не имеющий человек». Данное выражение — исконно русского происхождения. Оно возникло от сравнения со старинным стенобитным орудием, представляющим собой совершенно гладкую болванку, закрепленную на цепях. Русские воины использовали его для разрушения каменных стен осажденных городов. Ошибочно полагать, что данная ФЕ каким-либо образом связана с птицей соколом. В Польше данное орудие могло быть неизвестным либо имело другое название, форму и в языковом сознании не вызвало ассоциаций с бедным, нищим человеком. К безэквивалентным относятся также *травленный волк*, *отрезанный ломоть*, *szelma kuty na cztery nogi, żyje na własny rachunek, jakby przestał istnieć, z niejednego pieca jadał chleb, sam sobie pan* и т.д.

Как показывает наше исследование, справедливо замечание В. Н. Телия, что «каждый язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» [7, 173-203]. Фразеологизм, консервируя форму, консервирует и содержание: национальные особенности, традиции, взгляды на мир, т. е. создает этностереотипы, которые отражают коллективное подсознательное.

Список использованной литературы

1. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — М. : Астрель, 2005. — 926 с.
2. Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф. И. Буслаев. — М. : Русский язык, 1954. — 176 с.
3. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. Избранные труды по языкознанию. / В. фон Гумбольдт. - 1984.
4. Ильичев Л. Ф. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — М. : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
5. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. / А. И. Молотков. — М. : Рус. яз., 1986. — 758 с.
6. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения: На материале языков славянской, германской и романской групп. / Э. М. Солодухо. — М.: URSS, Изд.2, доп., 2008. — 304 с.
7. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. / В. Н. Телия. — М, 1988. — С. 173–203.
8. Телия В. Н. Что такое фразеология? / В. Н. Телия. — М. : Наука, 1966. — 84 с.
9. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (психологічний та етнокультурний аспекти) : Монографія / О. О. Селіванова. — К. — Черкаси : Брама, 2004. — 276 с.
10. Liberek J. Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny. — Warszawa, 2002.

11. Stanisław Skorupka. Słownik frazeologiczny języka polskiego. - Warszawa:Wiedza Powszechna, 1978. – 437 s.

12. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami, oprac. A. Kłosińska, E. Sobol, A. Stankiewicz, – Warszawa 2005.